

Стенограмма брифинга "Стратегия 2020: развилки экономической политики", состоявшегося в рамках Санкт-Петербургского Международного Экономического Форума 18 июня 2011 года.

Г. Уайт: Добрый день всем. Добро пожаловать на заседание «Стратегии 2020». Я Грегори Уайт, шеф-редактор газеты «The Wall Street Journal» в России. Очень рад вас здесь приветствовать. С нами будут обсуждать эту тематику координаторы этой работы: Ярослав Кузьминов, ректор Высшей Школы Экономики и Владимир Мау, ректор Академии народного хозяйства и государственной службы. Формат у нас более-менее свободный, в начале небольшие выступления наших спикеров, потом вопросы и обсуждения. Работаем до 13:15, если я правильно понимаю. Кто первый?

В.А. Мау: Уважаемые коллеги! Контекст нашей работы достаточно известен собравшимся здесь нашим коллегам, поэтому я не буду говорить об особых деталях. Прежде всего, причины постановки вопроса, тех задач, которые были перед нами поставлены, связаны с необходимостью определения новых контуров, или обновлённых контуров экономической политики следующего десятилетия. В моём понимании это было связано с тем, что экономическая модель последних 10 лет, предыдущих 10 лет, в значительной мере опиралась на опыт кризиса 1998-ого года и выхода из кризиса. Это была модель, связанная с восстановительным ростом, т.е. ростом, основанном на использовании новых мощностей, а не инвестиций. Это рост, основанный на стабилизации, на притоке... по-английски это называется windfall money, падающих с неба денег. Это был рост, основанный на идеологии недопущения укрепления валютного курса, когда справедливо считалось, что заниженный курс национальной валюты способствует развитию внутреннего производства и тормозит импорт. Это была модель «дорогого» кредита внутри страны и дешёвых кредитных ресурсов за рубежом, что позволяло быстро наращивать кредитную активность в зарубежных банках, и модель роста государственного сектора, роста огосударствления, который рассматривался как фактор стабилизации. По нашему мнению, эта повестка более или менее исчерпана, и речь идёт о формировании новой модели роста. Плюс к этому надо добавить то, что новые реалии продемонстрировал и глобальный кризис 2008-2009 гг. Мы не будем начинать дискуссию, кончился ли он или нет, какая фаза кризиса кончился, но события 2008-2009 гг. тоже поставили вопрос и о новой парадигме роста в глобальном масштабе, и о новой модели регулирования, и о новом балансе валют, новых перспективах резервных валют и региональных резервных валют. В общем, всё то, что в США начали обсуждать в терминах «new normal», что мы называем другой, новой моделью экономического роста. Какие именно в моём представлении следуют уроки, вызовы, ориентиры экономической политики, проблемы, которые должны обсуждаться, которые должны быть положены в основу того экономического развития, которое нам предстоит - мы говорим о следующем десятилетии, но понятно, что это условно – на новом этапе экономического роста? Прежде всего, проблема макроэкономической стабильности. Мы об этом говорим часто в терминах «Карфаген должен быть разрушен», но очень важной новой реалию, которую, по-моему, многие не до конца осознали, стало то, что в макроэкономическом смысле мы опять находимся в зоне бюджетного дефицита. Это радикально новая ситуация, от которой мы за предыдущие 10 лет отвыкли. Мы до сих пор, обсуждая экономическую политику, не думаем о дефицитности бюджета. Между тем, это так, и даже больше того. Я бы обострил проблему, поскольку макроэкономически мы очень напоминаем ситуацию 1979-1981 гг. Уровень цен на нефть в реальных ценах находится на том же уровне, как и тогда. А это был пик. Бюджет сводится с небольшим дефицитом. Макроэкономика формально лучше, чем в большинстве стран Запада на тот момент. И в то же время уязвимость экономики чрезвычайно высока, потому что дефицит имеется при тех ценах на нефть, которые есть без формирования резервов, без формирования стабилизационного фонда. Т.е. мы находимся, как и в начале 80-х гг., в ситуации формально хороших макроэкономических показателей с резко возросшими рисками макроэкономической разбалансированности в этой ситуации. Если модель не

менять, то перспектива или сильный рост долга, или надежда, упование, молитва о том, что цены на нефть должны держаться на уровне 200 долларов за баррель на протяжении следующих десяти лет, тогда бюджет при всех обязательствах сводится. Конечно, это очень опасно. Второй комплекс вопросов, связанный с денежной политикой. В моём понимании мы должны отказаться от политики сдерживания, укрепления валютного курса рубля по той простой причине, что низкий валютный курс был существенным фактором поддержки внутренней конкурентоспособности, когда это было 20-30% от паритета покупательной способности. На уровне 50-60 и выше это, в общем-то, бессмысленно. События последних лет, попытки стимулирования спроса через бюджет, через социальные расходы показали по нашим оценкам (оценкам института Гайдара) порядка 70% роста бюджетного спроса идёт или на импорт, или на инфляцию. Т.е. при данном уровне паритета покупательной способности, сдерживание валютного курса не приводит к дестимулированию китайского импорта, или вообще восточного, дешёвого импорта. Иными словами, мы не можем более компенсировать проблему низкой конкурентоспособности низким валютным курсом. Если мы не обсуждаем, конечно, трёхкратную девальвацию, что абсурдно, невозможно, политически и экономически бессмысленно. Это значит, что мы должны признать, что дальнейшая борьба за укрепление валютного курса ценой инфляции себя исчерпала. Альтернативная политика – это подавление инфляции и согласие на укрепление курса. Подавление инфляции должно вести за собой и снижение процентных ставок, т.е. замещение внешних денег, внешних заимствований корпорациями и финансовым сектором внутренними. Понятно, что без решения этой проблемы, без подавления инфляции и снижения процентных ставок, не решаются две другие международные задачи, которые так или иначе, перед нами стоят. Это перспективы рубля как региональной резервной валюты, если они есть – без этого их нет просто. И перспективы России как международного финансового центра, как говорил Президент. Без решения денежной и валютной проблемы эти вопросы не решаются. Ещё одна крупная проблема, о которой нельзя не сказать, это проблема Стабилизационного фонда. Вы знаете, несколько лет назад мне казалось, что мы нашли решение проблемы дешёвых денег, «голландской болезни», путём вывода этих «windfall money» в Стабилизационный фонд. Кризис показал, что макроэкономически эта задача более или менее решалась, но с точки зрения структуры модернизационной политики Стабилизационный фонд оказался фактором противодействия модернизации. Ярослав Иванович и я в нашем зимнем письме Президенту написали, что кризис сыграл роль санитаря леса. Он не сыграл, потому что Стабилизационный фонд не позволил ему. Наличие больших резервов позволяло компенсировать проблемы, остановить структурную модернизацию. Потому что структурная модернизация – это всегда социальные проблемы, всегда рост безработицы. И как выйти из этой ловушки я, честно говоря, не знаю, но она очевидна. Мы не можем отказаться от формирования Стабилизационного фонда, от балансирования бюджета на уровне средней многолетней цены на нефть, выводя «windfall money» в Стабилизационный фонд. Но одновременно мы понимаем, что Стабилизационный фонд становится препятствием на пути модернизации, поскольку позволяет решать проблемы без модернизации, во всяком случае, краткосрочные. Отсюда и следующая проблема, в которую мы попадаем – это ловушка конкурентоспособности. Ещё одна стратегическая проблема, обозначившаяся в последние годы. Это ситуация, при которой Россия является страной дорогого труда и плохих институтов. Это беспрецедентно. В чём проблема инвестиционного климата? Инвестиционный климат хороший, когда институты плохие, но труд дешёвый, или когда дорогой труд, но хорошие институты. Ситуация дорогого труда при плохих институтах – ситуация крайне неприятная и в ней есть корень проблемы инвестиционного климата. Это не проблема заклинания, как привлечь инвесторов, а чем их привлечь? Институтами и трудом. Выход из этой проблемы тоже является одной из важнейших задач. Утешительное решение можно найти, сказав, что Россия – это стран услуг и сырья, nontradables и resources, но мы понимаем, что реальная модернизация требует tradables. Модернизируются те страны, в которых в экономике существенную роль играют

товаропроизводящая промышленность. Промышленность в широком смысле – отраслями, потому что сельское хозяйство... Товары, а не строительство, туризм или ресурсы. Вот эта ловушка конкурентоспособности является ещё одной важнейшей задачей, ответ на которую нам необходим. Без этого разговоры о том, как улучшить качество институтов, становятся заклинаниями. Мы полагаем в нашей работе, что одним из успешных уроков догоняющей модернизации является способность страны наступать не всем фронтом, улучшая институты, говоря, что мы улучшим всё; а точечное улучшение институтов. Во всяком случае, все успешные кейсы последних 50 лет были связаны именно с этим. Грубо говоря, надо посмотреть на международные рынки, посмотреть, где Россия выглядит хуже всего и заняться, прежде всего, этими точками, как бы ни хотелось говорить, что все институты надо улучшать в комплексе. Отсюда вывод относительно промышленной политики. Мы 20 лет спорили, нужна промышленная политика или нет. Я даже когда-то говорил, что лучшая промышленная политика – это её отсутствие, в общем, это не совсем так. Лучшая промышленная политика – это стимулирование конкурентоспособности; в постиндустриальном мире промышленная политика – это политика, обеспечивающая конкурентоспособность. Я хочу подчеркнуть – именно стимулирования конкурентоспособности, а не, например, борьбы с монополиями. Мы понимаем монополистическую повестку, но мы также понимаем, что основной стимул инновационной экономики (если мы не говорим о естественных монополиях) – это стремление предпринимателя стать монополистом. В этом смысле антимонопольная политика – слишком популистский лозунг и вовсе не обязательно обеспечивает конкурентоспособность. На место монополий может прийти контроль монополий государством, что является тоже монополией. Промышленная политика как специальная программа обеспечения конкурентоспособности является, несомненно, важнейшим приоритетом. Ещё один вопрос, на который я хотел обратить внимание, я о нём часто говорю - отток капитала. Мы о нём говорим часто в последнее время, конечно, это стратегия элиты, что является очень опасной и сложной проблемой. В условиях плоского, глобального мира, когда издержки переезда и физического, и капитала, очень низки, а языком иностранным владеют практически все, эта угроза становится одной из основных. В моём понимании – вот то, о чём, наверное, будет говорить Ярослав Иванович – я не вижу иных способов удержания элиты, кроме как обеспечить им лучшие условия образования и здравоохранения в этом месте. Никакие условия специальной безопасности капитала, налогов – всегда можно найти более безопасную гавань. Мне кажется, что главным способом удержания элиты является способность обеспечивать здравоохранение и образование. Элита уезжает сейчас туда, где лучше условия жизни. Можно назвать ещё несколько факторов, но я на этом остановлюсь. Просто скажу, что всё вместе в моём понимании и есть переход от экономики спроса к экономике предложения, экономике стимулирования предпринимательской активности не за счёт государственного или частного спроса, а за счёт предложения. Содержательно это та задача, которую решали западные правительства, начиная на рубеже 70-80-х гг. Опять возвращаемся к этим годам. Собственно, что такое была «рейганомика», как не переход от кейнсианской экономики спроса к экономике предложения. По сути, если коротко характеризовать, эта задача стоит перед нами как «new normal». Спасибо.

Г. Уайт: Спасибо, Владимир, за такой широкий диагноз проблем. Картина получается немного мрачноватая, я боюсь...

В.А. Мау: По-моему, очень оптимистично.

Г. Уайт: И к вопросу о том, «что делать?» - это Ярослав.

Я.И. Кузьминов: Это, конечно, хорошо. Здравствуйте, коллеги. Я в первую очередь, поскольку Володя не сказал об этом, я скажу очень коротко рамки нашей работы. У нас есть

здесь презентация, которая делалась для правительства несколько месяцев назад. Была организована 21 экспертная группа. Здесь присутствует руководители целого ряда экспертных групп, которые образованы для анализа ситуации. Господин Галушка – это налоговая политика, Исак Фрумин – это социализация человека и среднее образование. Сергей Синельников – бюджетная политика. Профессор Спартак должен быть где-то – это интеграция. Академик Дынкин – вот он, забился в угол – это место России в глобальном разделении труда. Вот Якобсон уже уехал. Достаточно широко представлены все наши коллеги, поэтому мы все участвовать в дискуссиях, отвечая на вопросы. Я должен сказать, что задача наша – не писать стратегию заново. Стратегия в какой-то степени должна быть однородной. Наша задача – представить и разработать развилки политики как внутри конкретных секторов (например, здравоохранения, сектор налоговой, сектор макроэкономической сбалансированной экономики) и предложить максимально взвешенные оценки бюджетных последствий этой политики, последствий для экономического роста, основных социальных реакций на эту политику, реакций элитных групп. Мы впервые собрали такое большое количество экспертов. Мы подсчитали – сейчас почти 2 тысячи экспертов реально работает в этих экспертных группах, дают свои материалы, дают оценки этих материалов. Очень много региональных экспертов вовлечено в эту работу. Конечно, мы сейчас сходимся к определённым допустимым вариантам политики. Но есть недопустимые, о которых мы с самого начала сформулировали свою позицию. Мы сказали премьеру, и он согласился, что есть зоны допустимости, согласился с нашей оценкой зоны допустимых политик. Что является недопустимым? Мы часто об этом говорим с Володей, но я повторю. Недопустимой политикой является скатывание в инфляционное финансирование бюджетных обязательств, чем бы оно ни было вызвано. Этот тот сектор, когда политика скатывается в демагогию. Могут те или иные оппозиционные силы заявлять, что мы должны 7% ВВП на образование потратить через бюджет. Ещё 5%, лучше 6% - на науку, ещё 8% - на здравоохранение, не отказывать в поддержке всех отраслей, которые у нас традиционно хороши. Посчитали, что те вещи, которые предлагает левая часть политического спектра, причём в вполне официальных программах, если их сложить, будет 80% ВВП вместо 38% расширенного правительства, которое мы имеем сейчас. Совершенно очевидно, что есть два выхода. Вполне реальный выход – восстановление коммунизма, причём коммунизма военного, потому что такого рода свезения всего в центр и раздачи оттуда не было с 19-ого года, но это возможно теоретически. Или это скатывание инфляции, когда образование получит в результате того, что вместе нынешних 4,5% ВВП дали 7%, как и другим отраслям, в результате инфляционного сжимания 3-3,5%. Это тоже проходили в 90-е гг. Есть другое ограничение, другая «красная зона» - это наступление на сложившийся объём социально поддержки нуждающихся слоев в России. Россия на сегодняшний день имеет всего лишь 25% среднего класса в населении. Сохранять социальную устойчивость, как государство, она без того, чтобы быть социальным государством, просто не сможет. Россия – социальное государство. Наша политика в огромной степени социальная политика, политика поддержки бедных, сокращения объёмов\масштабов бедности, выбивающейся за стандартные рамки. Сейчас мы официально бедных имеем только порядка 15%, и, конечно, нужно довести эту долю до 0. В этом отношении любые проекты, которые часто упоминают как экономически эффективные – давайте достигнем темпов роста Китая и Индии; но не в Китае, не в Индии нет такой системы социальной защиты населения, нет такого масштаба бесплатного здравоохранения и образования, нет солидарной пенсионной системы для каждого человека, которая гарантирует его от нищеты. Мы эту модель просто не можем применять. Любые разговоры о возможности этой модели – это чисто академические разговоры экономистов, которые, надеюсь, не будут допущены к формированию реальной политики. Володя говорил о макроэкономической оценке ситуации, я скажу о некоторых центральных для нас, межгрупповых выводах в отношении важных секторов экономической политики. В первую очередь, это новая социальная политика. Россия сейчас имеет перед собой огромный вызов – его ещё называют «навесом высшего образования». В возрастной когорте 25-35 лет у нас 57%

людей имеют высшее образование. В мире есть только 4 страны с похожими результатами – это Канада, это Финляндия, это Япония, и я забыл последнюю. Но скажу, что США и Франция имеют 41% людей с высшим образованием. Это огромный драйвер роста и одновременно это огромный риск. Ведь если мы посмотрим на когорту населения 15-25 лет, то получают, или собираются получать высшее образование 85% возрастной когорты. Вот этого уже нет ни в одной стране мира. Это колоссальное отбегание людей от работы руками, от монотонного труда, от труда, который не имеет элементов коммуникации или креативности. Это действительно огромный вызов. Мы далеки от того, чтобы считать, что возможно каким-то образом вернуть людей в исходное состояние и загнать их в ПТУ – они туда не пойдут. Отсюда целый ряд последствий. Первое. Не только демографически, но и в результате состояния нашего рынка развивающегося труда, мы обречены на активную миграционную политику, активную политику поощрения миграции. Да, эта политика должна быть дифференцирована по отношению к людям с разным уровнем образования. Мы должны содействовать ввозу семей и постоянному въезду на территорию России людей с высоким уровнем образования. А людей, которые занимают нишу малоквалифицированного труда, наоборот, ввозить только по временным визам. Мне кажется, что здесь нужно очень чётко ориентировать и общественные настроения. Но без мигрантов экономика России существовать просто не может уже сейчас, и эта тенденция будет развиваться с каждым годом. Второе – это проблема жизненных ориентаций среднего класса, людей, которые получили высшее образование. Понимаете, это люди не просто с дипломом. Это люди, которые себя мыслят внутри среднего класса. И в нынешние 25% среднего класса эти люди не поместятся. Они не поместятся и в те 40%, которые займёт средний класс по инерционному прогнозу, достигнутому к 2020-ому году в России. Вот ключевой вызов, что он значит? Мы должны предлагать этим людям позитивные жизненные стратегии, позитивные образовательные стратегии. Мы должны содействовать тому, чтобы они реализовались в той нише, в которой они хотят и могут. Несколько примеров приведу. Первое – это прикладной бакалавриат. Перед нами Германия уже перешла на такого рода систему. Ты поступаешь в университет, но ты после двух лет обучения имеешь возможность взять короткий модуль обучения. Квалификация – 8-10 месяцев, конкретная квалификация, которая даёт конкретный заработок. И дальше идти работать с этой квалификацией. В любой момент ты можешь на третьем курсе восстановиться, продолжить обучение. Ты психологически в университете. Ты не выталкиваешься в состояние тех 15%, которые не попадают, и которых боятся брать на работу городские работодатели. Самое главное – мы в целый ряд профессий, требующих исполнительского мастерства – от квалифицированных рабочих до работников сервиса, запустим людей с совершенно другими жизненными горизонтами. Бог знает, какие возможности роста для России это даст. Второе – это, конечно, ситуация с экономикой социального сектора. Новый средний класс, или потенциальный средний класс – это люди с совершенно другими жизненными ориентациями. Если большинство населения старших возрастов в принципе не приемлет никакого социального сервиса, кроме абсолютно бесплатного, пусть даже при всей фиктивности этого. Люди старше 40 востребуют бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, только пенсию за счёт того, что платит государство и ничего больше. Но жизненные ориентации людей молодого, образованного поколения другие – они готовы доплачивать за качественный сервис. Перед нами стоит задача такой реконструкции социальной политики, которая только улучшала бы все эти десять лет положение, качество социальных услуг людям, ориентированным на бесплатное получение этих услуг. Насколько улучшала бы – это отдельная задача. И солидарная пенсионная система должна развиваться по восходящей, и бесплатное здравоохранение, и бесплатное образование – я сейчас об этом ещё немножко расскажу. Но наряду с этим мы должны формировать прозрачную систему соплатежей в системе здравоохранения для желающих пойти таким путём; прозрачную систему, в которую люди поверят, накопительных пенсий, потому что солидарная система, коллеги, не способна решить задачу адекватного пенсионного человека, который ориентирован... который собрался в этом зале. Никто из нас

не готов жить на 10 тысяч рублей в месяц. Это психологически невозможно для активного человека, который сейчас работает. И никакого другого выхода, кроме накопительной пенсионной системы у нас нет, следовательно, нам нужно думать о том, чтобы она была устойчива. Чтобы накопительные пенсионные счета не были в долговременном периоде съедаемы и чтобы люди могли в это дело поверить. Это направление потенциального расходования средств государства, какую бы форму оно ни приняло, может быть из фонда национального сбережения, там, эти вещи поддерживать или еще откуда-то. Но те деньги, которые мы потенциально сэкономим на переходе к более эффективной солидарной пенсионной системе, такие предложения у нас есть, мы вынуждены будем две трети этих денег, в общем, потратить на улучшение устойчивости в глазах конкретных людей, инвестирующих свои деньги на пенсионные счета, устойчивости накопительной пенсионной системы. То есть, это не есть большой источник финансирования для других проектов. Часто говорят: «А, вот, сколько же денег надо образованию, здравоохранению, там, культуре и так далее?» Вот, мы с Игорем Юргенсом говорили прямо перед этим, он говорит, вот давай, все-таки, сделаем такой лозунг «Десять процентов ВВП это бюджетное финансирование этих трех секторов». Я говорю, что есть, на самом деле, абсолютно реальная... реальный критерий, который мы, вот, наша экспертная группа, предлагает. Это так называемый эффективный контракт. У нас есть социологические измерения того, какую заработную плату люди считают достаточной, учителя, профессора, врачи, для того чтобы работать полностью на свой основной... по своему основному рабочему месту и не искать дополнительных заработков. Например, для учителей школ это примерно средняя зарплата по региону. Для преподавателей ВУЗов это примерно две средних зарплаты по региону. Для врачей это чуть меньше, чем двойная средняя, где-то сто пятьдесят-сто семьдесят, там, сильная почему-то дифференциация у них как раз получается по региону. Но есть абсолютно конкретные считающиеся вещи. И в результате, мы можем сказать, что да, если не проводить реструктуризацию социальной сферы, не убивать неэффективные предприятия, которые там сейчас есть, это будет, это выльется где-то четыре процента ВВП дополнительных. Если совместить это с назревшей совершенно реструктуризацией социальной сферы, которая тоже никак не может взяться государству, то это будет два-два с половиной процента ВВП плюс и это проблема государства. Если оно не хочет ничего трогать, то тогда восстановление этой сферы обойдется дороже. Если оно готово разбираться с неэффективными секторами социального сектора, проводить реальную реформу бюджетной сети, то это обойдется вдвое дешевле и становится, по нашему мнению, реалистичным в перспективе две тысячи двадцатого года. Вы знаете, что Путин уже заявил о том, что мы обеспечиваем первый этап, мы обеспечиваем зарплату учителей средних школ в этом году на уровне средней зарплаты по региону. Это первый шаг, я уверен, что будут следующие. И коротко еще о трех вещах. Эффективное государство. Эффективное государство, на наш взгляд, требует трех вещей. Во-первых, ограничение рисков существования бизнеса со стороны правоохранительной системы, рисков уголовного характера, ну, последние инициативы Медведева они лежат ровно в этом направлении. Во-вторых, ликвидацию основной части контрольно-надзорной деятельности государства и замещение ее обязательным страхованием. И третье, это существенное сокращение огромной армии людей в погонах, которые на сегодняшний день у нас занимают, ну, больше трех миллионов человек, в той или иной форме. Это примерно в три раза больше, чем в любой другой стране. Мне кажется, что это очень существенная возможность сжимания государства. И еще один аспект нашей отраслевой де..... Здесь не присутствует руководитель экспертной группы по инфраструктуре, но ключевая задача, вот, у нас была публикация в «Известиях» не так давно, ключевая задача сейчас для обеспечения экономического роста это адекватные вложения в транспортную и другую инфраструктуру бизнеса. Если мы инфраструктуру смогли бы поднять, хотя бы обеспечив радиус доступности не двадцать километров от крупного города, а пятьдесят километров, шестьдесят километров, как это есть в большинстве развитых стран, что ты можешь быстро доехать, что там есть газ, там есть электричество, там есть вода, то мы решили бы, в

огромной степени, проблему доступности ресурсов для бизнеса и доступности ресурсов, кстати, для дешевого жилищного строительства. Но это потребует примерно триллиона рублей в год. Откуда это взять? Ну, мы можем себе представлять те или иные направления сокращения расходов, мы их сейчас обсуждаем. Спасибо.

Г. Уайт: Спасибо большое. Мы получили достаточно четкий и, я так понимаю, это полный список того, что, ну, в такой повестке дня реформ...которые должны войти в стратегию. Хотя я понимаю, что вопросы политики заведомо были оставлены в сторону в этой работе. Наверное, первый вопрос будет а насколько реально и возможно эти все изменения без изменения политических, без политических реформ или у вас есть, вот, понимание, что как раз эти изменения приведут к тем изменениям в политической сфере?

Я.И. Кузьминов: Мне кажется, что основная проблема политической системы России это необходимость восстановления эффективной работы органов самоуправления на местах и профессиональных ассоциаций. Вот эти базовые элементы гражданского общества, если они начинают работать, если люди в них учатся рационально выбирать, рационально голосовать, рационально контролировать – это гарантия того, что и большая политическая система будет работать адекватно, она будет опираться на рационально голосующих избирателей. Пока этого нет любые предложения о модификации политической системы, которая у нас есть, и мы тоже как граждане имеем свое мнение по этому поводу, они будут...не принесут желаемой нам эффективности. Знаете, нам нужно выращивать в течение, наверное, десяти-пятнадцати лет еще эффективно работающую систему местного самоуправления. А это требует переноса налоговых полномочий, части реальных властных полномочий на муниципалитеты. Очень сложная задача для России, вы понимаете, потому что у нас очень большая разница и нам нужно не просто говорить, что вот мы тебе отдадим право делать и взимать налоги. Мы должны в условиях России гарантировать трансферты, трансферты из федерального, из регионального бюджета. Гарантировать их, не привязывая к каким-то показателям. Вот это извечный спор Минфина с отраслевыми ведомствами различными, в том числе и с частью Высшей Школы Экономики, которая госуправлением занимается. Я здесь поддерживаю целиком позицию Минфина. Мы должны выровнять, гарантировать определенный бюджетный пирог, который достается руководству местного самоуправления, без каких-то лоббистских усилий автоматом, да, пусть он и работает не с начальством, а работает с населением. Вот, если хотите, такой ответ, я не знаю, Володя, может у тебя есть другой.

В.А. Май: Нет, я полностью разделяю подход, что развитие политической системы сейчас находится в той ситуации, когда оно имеет свой смысл прежде всего с муниципального уровня. И это, собственно, то что сказал Ярослав, это один из фундаментальных тезисов той группы, которая занимается реальным федерализмом, потому что группа, начав заниматься реальным федерализмом, быстро перешла на проблему муниципального развития и в их понимании именно этот уровень будет закладывать эти ячейки новой политической структуры. Но я, все-таки, как экономист верю, что спрос рождает предложение. Я не верю в политическую реформу без спроса на политическую реформу. Равно как и в модернизацию без спроса на модернизацию. Проблема развития политической системы это не проблема желания высшего руководства, что-то улучшить, ухудшить или что-то сделать. Это готовность политического руководства, которая всегда есть во всех странах при всех режимах, ответить на тот спрос, на ту политическую модель, которая идет от основных слоев общества. И только такая система является...становится устойчивой.

Г. Уайт: Как раз к вопросу о спросе на модернизацию. Обычно, когда речь идет о таких тяжелых решениях разделения бюджетного пирога, этот спрос возникает только в кризисных ситуациях, когда, ну, в России, ну, низкие цены на нефть и другие экспортные товары и

просто другого выхода нет. В нынешней ситуации при относительно высоких ценах и, которые по многим прогнозам будут или стабильны, или расти в ближайшие годы, откуда этот спрос на модернизацию и хватит ли его, чтобы провести не только приятные изменения, но и болезненные?

В.А. Май: Ну, я тогда продолжу. Вы знаете, я в своем вступительном своем, поскольку оно затянулось, не стал говорить на эту тему. Нам часто, вот, задают вопрос о том, в какой мере реализуемы те реформы и та политика, которые мы обсуждаем. Я уверен, что они абсолютно реализуемы, что это та реальная повестка, которую правительство будет реализовывать. Другой вопрос, будет ли это в следствии кризиса или для предотвращения кризиса. Вопрос только в этом. Повестка одна. Она будет только или раньше, или позже. Я не политический пророк и ответить не могу...когда ответить не могу и не берусь, поскольку наш профессиональный долг предложить набор взаимосвязанных...вот, не...можно говорить и форм, взаимосвязанных элементов экономической политики на момент, когда на нее возникает спрос. Я действительно...ну, это мое личное мнение, тут я никак не могу говорить не только от нас двоих, но и вообще от всех групп. Я считаю...это позиция экономического историка, что в рентной экономике, когда доходы от ренты исчерпываются, собственно, мои слова про стабилизационный фонд и дестимулирующую роль стабилизационного фонда они шли ровно отсюда. Если у вас много денег, зачем вам экономическая политика, вот, когда и так все хорошо? Но, в принципе, конечно, ответственный политик он...скажем, последние десять лет мы проводили ответственную экономическую политику, он понимает, что цена на нефть упадет. Вы знаете, Егор Гайдар, у него было две фразы про нефть, которые я хочу...многие знают, напомнить. На самом деле три, но я приведу две. Одна – в том, что прогноз цен на нефть - это опасно для профессиональной репутации экономиста. И вторая – то, что цены на нефть обычно падают тогда, когда все абсолютно уверены, что они больше никогда не упадут. Это не только психологический феномен, за этим есть определенная экономическая логика. Тем более что... вы понимаете, ведь особенность, если говорить ценах на нефть, не только в альтернативных источниках. Проблема в том, что нефть перестала быть феноменом чисто товарного рынка. Вообще, вот если посмотреть такую фундаментальную особенность России в развитии современной мировой экономике, то я бы осторожно высказал гипотезу, она уже анализируется в ряде работ, она еще не жестко доказана, гипотезу о переплетении, сливании трех основных рынков – товарного, фондового и валютного. Вот, до, скажем там, самого недавнего времени это было три разных рынка, не влияющих друг на друга и развивающихся по разным законам. Последние годы показывают, что они начали сближаться и игроки могут, скажем, хеджировать валютные риски на товарном рынке. То есть, проблема цены на нефть перестает быть феноменом товарного рынка. А это значит, что она еще менее предсказуема. Мы не можем обсуждать цены на нефть в терминах, сколько нефти понадобится Китаю. Мы можем ее обсуждать в терминах, с каким настроением проснутся валютные спекулянты на утро после, там, событий на Нью-Йоркской или Лондонской, или какой бирже. Это делается в ситуации... цена на нефть всегда была непредсказуема, но это возводит непредсказуемость в квадрат. И это надо принимать при выборе стратегии реформ.

Г. Уайт: Если я правильно понял задачу, вы создаете такое комплексное «меню» предложений, задач, которые надо провести, выполнить за период стратегии. А как вам его так написать, чтобы выбрали весь комплекс мер нужных, а не только, скажем так, сладкое из этого меню, оставив салат, овощи и другие, менее вкусные вещи на последующее?

Я.И. Кузьминов: Очень хороший вопрос. Во-первых, я считаю, что формат нашей задачи, именно, вот, секторальной политики, который, конечно, будут увязаны нами в несколько глобальных сценариев, они расширяют нашу возможность воздействовать на ситуацию и расширяют возможность мобилизовать интерес и поддержку тех или иных элитных групп.

Не бывает ситуаций, когда вся позитивная стратегия реализовалась бы полностью. Давайте вспомним программу Грефа. Вот мы считали там сорок процентов ее реализовано. Это немало, в общем. Она сыграла большую роль. Это вот одна часть ответа. А другая часть ответа...

В.А. Май: Можно реплику, Ярослав?

Я.И. Кузьминов: Да, конечно.

В.А. Май: Только программа 1992 года из-за сверхтяжелого кризиса была реализована полностью. Правда, тоже не за три, а за семь лет, но она была реализована полностью.

Я.И. Кузьминов: Понимаете, вот, ситуация, скажем, с программой девяносто второго года, ее последующими инкарнациями, там, было девяносто третьего года и так далее. Тогда, когда мы с Володей начали впервые заниматься этим благородным делом, она была в большей степени реализована, потому что в девяностые годы не сложилось устойчивых социальных групп, которые бы были бы институционализированы, то есть они не должны были уйти куда-то в результате этих реформ и с которыми реформаторам нужно было стопроцентно считаться. В двухтысячном году таких социальных групп было уже несколько и сейчас... понимаете, каждая по мере институционализации отношений, по мере достижения страной определенной устойчивости любая реформаторская стратегия она становится все более и более компромиссной, она все дальше уходит от того, что пять экономистов, засев в каком-то пансионате могут написать, смоделировать и вы согласитесь, что да, это то что надо. Это всегда проблемы обсуждения, попытки мобилизовать поддержку тех или иных социальных слоев, тех или иных элитных групп. То же самое будет и сейчас. Вот, знаете, есть типичное журналистское заблуждение, что вот сейчас власть в России принадлежит Медведеву и Путину, вот. И что концентрация власти она, вот, возросла в последние десять лет. Это не так. На наш взгляд, на взгляд основных как бы социологов, степень свободы руководства страны в последние... ограничивается с каждым годом по мере того, как вырастают такие устойчивые институционализируемые элитные социальные группы. И, в общем, ничего страшного в этом нет. Любая политика это компромисс, это диалог и чем больше, вот, диалог будет происходить, в частности при обсуждении и реализации вот этих политик, тем, в общем, в конечном счете лучше для нашей страны.

Г. Уайт: По каким признакам можно будет судить получается или не получается «Стратегия»? Выполняется она или нет? Если смотреть в ближайшие годы, что будет показателем того, что вы съехали с рельс или что идут серьезные реформы, в которых многие сомневались?

В.А. Май: Я напомню то, что сказал Ярослав. В данном случае мы пишем не программу, а развилки, модели и те или иные мероприятия. Может быть, это выльется в более однозначный набор реформ. На самом деле, ведь написать последовательную программу проще. И доказать, что она самая лучшая. То, что мы делаем, гораздо сложнее. У каждого же есть свое мнение и в этом смысле видеть позитив других сценариев, это тоже очень непросто. Однако есть общий критерий. Критерий – не выполнение программы, программы могут быть разными, а позитивное развитие ситуации. Собственно, это то, что Путин на днях сказал в Женеве. Это рост среднечеловеческого ВВП и производительности труда. Ничего другого экономическая наука и экономическая практика, в общем-то, не выработали.

Я.И. Кузьминов: Я приземленно отвечу – есть такой критерий. В какой степени будет модифицирован трехлетний бюджет. Если он не будет модифицирован, это значит - так, поговорили...

Г. Уайт: Хорошо. Тогда я, наверное, переведу на вопросы и реплики с мест. Пожалуйста.

В.В. Громковский: У меня вопрос к обоим выступавшим. Та, то ли новая стратегия, то ли подстройка старой стратегии, о которой вы говорите, она, тем не менее, лежит на какой-то исторической магистрали. Если продлить, может быть неявно существующие внутри нее направления, то мы и через 20, и через 30, и через 50 лет где-то окажемся. У меня вопрос к вам – вы все время говорите «на 3 года», «на 10 лет». Правительство или вы, как руководители группы экспертов, держите в голове какую-то точку через 50, а может быть даже через 100 лет, куда мы или вынуждены будем, или, может быть, даже хотим прийти? Или это все чисто ситуационно? Вот у нас есть нехватка населения – будем ввозить. Есть дефицит бюджета или лишние деньги – будем копить в фонде. То есть, решение сиюминутных задач и мы, фактически, будем идти по рельсам, которые уже существуют 100 лет в индустриальном мире.

Я.И. Кузьминов: Я думаю, что такие проектировки есть, и мы с ними работаем.

Классический пример – это пенсионная система, которую мы должны считать до 2040 – 2050 года. Это накопительная пенсионная система, это баланс трудовых ресурсов. Мы с этим работаем.

Что же касается возможности ориентировать политику на образ страны, который у нас должен существовать в 2050 году, то я думаю, что такого рода субъективной ориентации политики, она неизбежно будет субъективной, в ближайшие годы будет препятствовать то, что мы в периоде бурного обновления коренных технологий, которые обеспечивают прогресс. У нас примерно каждые 7-10 лет возникает новая технологическая революция, новая технологическая волна. Мы не можем их предсказать. Поэтому у нас в горизонте, скажем 50 лет, на мой взгляд, несмотря на близкое знакомство с Велиховым, Ковальчуком и Кириенко, нет твердой уверенности в том, что мы можем планировать мировой энергетический баланс. Это базовый пример наших ограничений. Может быть взрыв продолжительности жизни. Взрыв настоящий, 120-150 лет. Это абсолютная реальность. Мы с тобой неправильно себя вели, но наши дети могут жить гораздо дольше.

В.А. Мау: Не ограничивай милосердие Божье.

Я.И. Кузьминов: Согласись, что это радикально меняет демографический прогноз и прогноз трудовых ресурсов. Я просто говорю к вопросу о ситуативности. Любое наше видение будущего – оно ситуативно. Мы люди, а не боги.

В.А. Мау: Я позволю себе, все-таки, сказать. Конечно, я полностью согласен с тем, что это и сто лет назад было смешно прогнозировать, а тем более сейчас. Я хочу напомнить, что прогноз, изложенный в 3 программе КПСС, был строго научно обоснован. Например, администрация Кеннеди очень всерьез обсуждала перспективы реализации этой программы к 1980 году. Но есть три самых общих сценария, три варианта развития, которые, действительно, надо держать в голове и мы их держим. Последние 300 лет, если точно – 200, Россия развивается с отрывом от Франции и Германии в 50 лет, 2 поколения. И чтоб мы ни делали, какие бы правительства здесь не были, этот разрыв иногда чуть сокращается, иногда чуть удлиняется. Мы постоянно ставим задачу сократить этот разрыв, но этого не удавалось никогда. Это не худший сценарий. Смотреть, что было во Франции при установлении власти Де Голля, это не самый плохой, на самом деле, сценарий. Сценарий Китая, который 200 лет назад был на уровне Британии, а потом упал, потом догоняет – он, на мой взгляд, хуже. Но, 200 лет этого развития не гарантируют его навсегда. Другой вариант, есть ли меры, которые позволяют сократить этот разрыв. Это удавалось, ты знаешь, все мы знаем, очень мало каким странам, но это, все-таки, не исключено. И наконец, не будем забывать, что есть третий вариант развития событий. Он столь же реален. Это, все-таки, начать увеличивать отрыв. И

мы знаем, что ресурсные экономики за последние 500 лет, начиная с Испании 16 века, как только начинают жить на ренту - начинают увеличивать разрыв.

Я всегда привожу этот пример. 50 лет притока серебра и Золота из Америки, после открытия Америки Колумбом, полностью разложили самую крупную европейскую державу с самой сильной армией – Испанию.

Я.И. Кузьминов: С очень хорошо организованной экономикой.

В.А. Мау: С очень хорошо организованной экономикой, но вскоре выяснилось, через 30 лет изобилия, что покупать в Англии и Франции проще, чем производить у себя, а самим лучше воевать в Европе везде. После этого последовали дефолты, несмотря на бурный рост бюджетных доходов. Проблема того, что стабильность не гарантирована, она важна. Базово, в пятидесятилетней перспективе, сценария три: «статус-кво», «догнать и перегнать» и «отстать».

Г. Уайт: Следующий вопрос.

РИА «Новости»: Ярослав Иванович, у меня 2 вопроса, если позволите. Вчера Дмитрий Медведев сообщил о том, что необходимо создать Столичный федеральный округ и расширить границы Москвы. Как вы оцениваете этот проект и позволит ли это эффективно разделить «бюджетный пирог»?

Второй вопрос – как вы считаете, насколько нужно сократить количество людей в погонах и за счет кого? Не создаст ли это напряженность на рынке труда? Эти люди смогут найти себе работу? В процентах, если можно.

Я.И. Кузьминов: На мой взгляд, количество людей в погонах можно за 5 лет сократить примерно на треть. Это мягкий сценарий и я думаю, что на рынке труда эти коллеги себя точно совершенно себя найдут. Кстати говоря, повышение уровня безопасности, безопасности на улицах, безопасности бизнеса, оно высвободит не только этих людей, но еще примерно миллион человек, которые не служат государству, а нанимаются в качестве охранников частным бизнесом. Зайдите в любой магазин в провинции и вы увидите, что там одна продавщица и один дяденька. Ей-богу, мы можем существенно ограничить волнуящий многих миграционный прирост путем инвестиций в безопасность бизнеса и безопасность на улицах.

А относительно Столичного округа – да, безусловно, это абсолютно назревшая вещь. Я приведу один пример. В Москве рынок труда – это 6 млн. человек. Из них в городе Москва живет 4. Бессмысленно вообще, бессмысленно анализировать, бессмысленно планировать. Вот мы сейчас для Правительства Собянина делаем целый ряд исследований. Мы с Владимиром Александровичем тоже этим занимаемся. Но мы не можем делать, скажем, релевантный опрос населения для выработки политики города Москвы в городе Москва, точка. Мы должны выйти в Московскую область достаточно далеко. То есть, это единый экономический комплекс. Мне кажется, что да, это имеет прямой смысл. Но, бес в деталях, вы знаете. Какая модель будет принята? Вся ли Московская область или так называемое «ближнее Подмосковье»? Это нужно обсуждать. Но то, что сказал Президент, в общем, по моему, правильно.

Г. Уайт: Пожалуйста.

Р. Мамонов («Голос России»): Я хотел бы продолжить тему господина Медведева. Учитывает ли каким-то образом разрабатываемая сейчас «Стратегия 2020», при том, что ориентирована она все-таки и связана с именем господина Путина, инициативы Дмитрия Медведева об отказе госкапитализма?

Второй вопрос, неизменно с этим связанный, о децентрализации власти и делегировании полномочий, все-таки, на места.

В.А. Май: Вы знаете, честно говоря, к счастью, у нас пока нет госкапитализма. Хотя дискуссии и популярность этого лозунга – она существует и это был ответ на дискуссию. Мне кажется, что достаточно посмотреть на материалы, которые доступны, чтобы видеть, что мы в наших вариантах развития событий мы не обсуждаем стратегию построения госкапитализма.

Вообще, конечно, скажу, что госкапитализм это скорее такое политическое определение, поэтому дальше нужно обсуждать, что имеется ввиду. Если речь идет о госкорпорациях, то решение о необходимости их реформирования, отказа от этой модели, было принято достаточно давно. В наших дискуссиях проблемы госкапитализма нет, есть проблема стимулирования эффективного экономического роста. Какой второй вопрос?

Р. Мамонов («Голос России»): Делегирование полномочий на местный уровень.

В.А. Май: Да, я же сказал, Ярослав более подробно сказал, это один из подробнейших вопросов. Там есть, конечно, опять же, набор технических проблем. Скажем, бюджетный федерализм на уровне регионов с усилением налоговой функции технологически более менее понятен. Как только вы переходите на муниципальный уровень, там возникает много технических проблем. Разрывы между, скажем, проживанием и бизнесом. Ну, просто муниципалитеты – это маленькие образования. Там хоть сколько-нибудь единое правило фактически не формируется. Там перераспределительные процессы внутри субъекта, они гораздо более вероятны и часто необходимы. Ну понятно, потому что налоги собираются в одном месте, а тратиться должны в другом. То, что балансируется более-менее в субъекте – не балансируется на муниципальном уровне. Конечно, здесь требует отдельного обсуждения тема, собственно, налоговой базы. В какой мере это должны быть трансферты, в какой налоги и конечно, там есть политэкономическая проблема - это соотношение, как говорится, города и деревни. Степени мер, в какой имеет смысл поддерживать за счет эффективного города часто неэффективное развитие деревни.

Понимаете, опять, вы задали вопрос, на который можно ответить «да, муниципалитеты – это самое главное, это наше все». Но если обсуждать всерьез, те же бюджетные рамки, о которых Ярослав говорит. Ведь бюджетная проблема не решаема, если вы хотите накормить все муниципалитеты сразу. Российское пространство трансформируется и как бы еще 25 лет назад не ругали Татьяну Ивановну Заславскую за тезисы о бесперспективных деревнях, но ведь они же есть. Это реальная проблема. Должны ли вы плохо учить 5 учеников в одной деревне или должны закрывать школы и свозить их в хорошие школы, строить дороги. На это вам ответят «нет школы – нет деревни». Это сложный социальный вопрос, который действительно может решаться только на региональном и муниципальном уровне. Если регион готов платить за содержание этой школы, но явно не обеспечивая хорошее качество образования, если в школе всего несколько учеников. Это, в общем, не дело федерации, отдавливать и говорить, что это не так. Но это должна быть, действительно, ответственность региона.

Проблема демографии и роста. Ну, мы подробно не говорили, отчасти Ярослав Иванович упомянул – экономический рост предполагает рост населения. У нас нет роста населения. Но ведь рост не обязательно предполагает рост физического населения. Перераспределение населения по территории страны и концентрация. Рост численности населения даже без, ценой внутренней миграции в точках роста – это же тоже рост населения. Это тоже отдельный драйвер экономического роста, так же как и высвобождение, например, силовых структур.

На самом деле, как только мы начинаем обсуждать вопросы расширения полномочий муниципалитетов предметно, не вообще о том, что муниципалитеты это хорошо, там

самоуправление, там Солженицын что-то про это писал, и Ленин про это много хорошего писал. Как только переходим на конкретный уровень, там просто возникает очень много очень существенных и непростых нюансов, которые надо обсуждать и решение которых неоднозначно.

Я.И. Кузьминов: Вообще, понимаете, термин «госкапитализм», я согласен, это метафора скорее, но мы все понимаем, что под этой метафорой имеется в виду. Вообще, есть 2 типа процессов, которые присутствуют в нашей экономике и обсуждаются в связи с понятием «госкапитализм». Это формальное присутствие государства в капитале крупнейших производителей и это виды неформального воздействия отдельных представителей государства на конкретный бизнес. Это разные процессы. Они связаны, но связано практически все в экономике. И инициатива президента Медведева была сосредоточена относительно действий по ограничению, в том числе формального присутствия государства – приватизации. Я к ней положительно отношусь, но я считаю, что гораздо более важным является сокращение неформального воздействия государства на бизнес, неформального регулирования рынков, неформального обретения преимуществ на рынке. И здесь рецепт тоже более менее понятен – это сжимание щупальцев государства, которые сейчас очень сильно воздействуют через контрольно-надзорные органы, силовые органы и департамент экономической безопасности, условно говоря. Это вторжение правоохранительных и уголовно правовых элементов в бизнес, его надо ограничить. Третье, это дальнейшее укрепление независимости судебной системы. Кстати, здесь в наибольшей степени сделано за президентство Путина и президентство Медведева. Вот на этом третьем направлении.

Г. Уайт: Тогда я на правах ведущего задам еще вопрос. Вы оба упоминали опыт предыдущих программ, стратегий, написание которых приводило к разным успехам в разные годы. Какие из этого опыта вы видите уроки, когда подходите к нынешней работе, чтобы сделать результат наиболее эффективным и реализуемым?

В.А. Мау: Хороший вопрос. Вы знаете, я скажу так, достаточно романтично. Первое, ограничение опасности самонадеянности экономистов. Одна из последних книг Хайека называлась «Опасная самонадеянность». Понимание экономическим экспертом того, что многое не понимает, это не снятие с него ответственности. Ведь, действительно, Вы знаете, недаром первые экономисты были врачами. Экономика сродни медицине, когда общие принципы функционирования организма похожи, выживает он или умрет, в общем, зависит отчасти от Бога. И в этом смысле экономическое чудо, это феномен экономических историков будущего. Экономические историки всегда четко объясняют, почему две стороны делали одно и то же, а в одной стороне произошел успех, а в другой – экономическое поражение. Такое понимание ограниченности собственных возможностей очень важно. Это важно в отношениях с политиками. Мне кажется, что эксперт никогда не должен навязывать свое мнение политику, потому что у политика свое отношение с избирателем, монарха с подданными. Это отношения, выходящие за рамки экономической логики. Экономическая логика здесь очень важна, но отношения с обществом, это все-таки отношения политика. В этом смысле ответственный экономист (разработчик программы), на мой взгляд, должен давать меню, включая обсуждение мер, которые, он понимает, скорее всего, не будут реализованы. Мы должны указывать на эти альтернативы, мы должны делать это предметом общественного внимания, предметом политической дискуссии. Вообще, я не знаю, это оптимистичная или пессимистичная точка зрения, но весь опыт последних 20 лет говорит о том, что всякие осмысленные экономические советы реализуются. Иногда через поколение, но они все равно реализуются.

Г. Уайт: Пожалуйста.

Реплика муж: Опора России. Мы сейчас активно столкнулись с новой инициативой лидера партии «Единая Россия» Владимира Владимировича Путина о создании «Народного фронта». Ваше мнение по поводу этой новой социальной истории.

Я.И. Кузьминов: Вы знаете, реализация политики в последние 20 лет показывает определенные, достаточно устойчивые феномены. Власть должна проводить объективную политику имеет серьезные либеральные элементы, назовем их так. Достаточно сложно мобилизовать устойчивые группы населения на постоянную поддержку этой политики в условиях неразвитой политической системы. Ведь в 90-е гг. были попытки создать партию, которая поддерживала бы усилия власти на основе рационального широкого общественного консенсуса. Те попытки, которые были, скажем, до 2000 года, по-моему, Володь, их было три? Они удавались наполовину, потом удалось создать политический механизм, который проработал достаточно долго. Он проработал 12 лет. Естественно у него есть срок годности, срок годности партии власти. Дело в том, что очень сложно быть партией власти. С одной стороны, она собирает наиболее конструктивные элементы, которые хотят что-то сделать, с другой стороны, она все в большей степени превращается в механизм неких трансляций того, что хочет исполнительная власть. Я думаю, что такого рода негативные процессы, безусловно, происходят и происходили в «Единой России», руководитель «Единой России» тоже озабочен этим серьезно. Вот этот ОНФ представляется собой попытку консолидировать те общественные силы, которые готовы поддерживать ту политику, которая ведется руководством страны, при условии учета их интересов. Это еще одно обращение руководства страны, - в данном случае Путина как лидера «Единой России», - к социальным группам, которые присутствовали в «Единой России, но у них есть собственные интересы. Еще раз обобщить эти интересы: интересы малых предпринимателей, интересы крупного бизнеса, интересы студенческой массы, интересы учителей, интересы врачей через форму учета мнений профессиональных ассоциаций. Это вполне конструктивные формы мобилизации и политического интереса, и диалога, предвыборного диалога ныне правящей партии, которая хочет сейчас получить еще один мандат на то, чтобы быть правящей на следующие 5 лет. В данном случае 5 лет. Это вполне естественно. Мне кажется, что аналогии этого с какими-то посткоммунистическими формами, - помните, там тоже были всякие фронты в странах Восточной Европы, - мне кажется, не совсем в данном случае корректно. Действительно, попытка не бутафорски создать что-то было бы похоже на западную демократию, а это попытка реальной мобилизации поддержки в обмен на учет конкретных артикулированных, данными группами, интересов. Вот так я бы ответил.

Г. Уайт: Спасибо. У нас время подошло к концу. Есть желание какие-то заключительные слова произнести.

В.А. Мау: Большое спасибо, у меня точно нет.

Я.И. Кузьминов: Присоединяюсь! Коллеги, спасибо большое.

Г. Уайт: Спасибо.